

ОБРАЩЕНИЕ К АДРЕСАТУ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПАРАТЕКСТАХ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Соломоновская Анна Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет (ГИ НГУ)
a.solomonovskaia@g.nsu.ru

TRANSLATOR'S ADDRESS IN LATE ANTIQUITY AND MEDIEVAL PARATEXTS: CROSS-CULTURAL ANALYSIS

A. Solomonovskaya

Summary: The article deals with one of translators' paratexts topoi, namely, the dedication or the appeal to the addressee. Apart from standard greeting formulae this part of the paratexts contains some information about the personal features of the addressee, their relationship with the translator and his merits and achievements. This makes such fragments a valuable source of information. The tone of the translator's address depends on the social status of the formal recipient and their relationship with the translator.

Keywords: paratext, topos, translator's address, relationship, status, compliment, gratitude.

Аннотация: В статье рассматривается один из топосов переводческих паратекстов позднеантичного и средневекового периодов, а именно, посвящение или обращение к адресату. Этот элемент паратекстов, помимо стандартных приветственных формул, содержит информацию о личности адресата, его взаимоотношениях с переводчиком, его заслугах. Это делает эти фрагменты переводческих предисловий и послесловий ценным источником информации. Тональность обращения зависит от общественного положения адресата и личных его отношений с переводчиком.

Ключевые слова: паратекст, тоpos, обращение к адресату, взаимоотношения, статус, комплимент, благодарность.

Одним из видов паратекстов [8] или вспомогательных текстов, сопровождающих основной текст, являются предисловия и послесловия автора или переводчика. Переводческие паратексты обычно исследуются в рамках изучения творчества одного автора (или переводчика), реже – отдельной переводческой школы, и еще реже как жанр, обычно на материале современных переводов (например, в работах [6], [12], [10]). Несколько работ, посвященных рассмотрению особенностей дискурса переводческих предисловий в историческом (но не кросс-культурном) аспекте, были опубликованы в 1989 году [11], [14] в материалах конференции французских филологов-медиевистов. В советской и российской традиции можно указать на несколько работ, написанных на славянском материале, в которых выделяются дискурсивные особенности переводческого предисловия в целом [2], [4]. Однако во всех этих работах исследование выполнено на материале одной какой-то группы переводов и не содержит поэтому кросс-культурного анализа. Кроме того, представляется актуальным отдельное рассмотрение составных элементов-топосов переводческого предисловия.

Фокусом данной статьи является тоpos обращения к заказчику, покровителю или адресату перевода. Материалом послужили 73 предисловия переводчиков позднеантичного и средневекового периодов – начиная от Иеронима Софроника (конец IV – начало V века нашей эры)

и заканчивая предисловием Исаяи Серрского (XIV в.), опубликованные в относительно современных изданиях.

Одним из традиционных топосов предисловия переводчика, восходящим еще к античным временам, в частности, к речам Цицерона, был так называемый *captatio benevolentiae*, или обращение к реальному адресату или шире к потенциальному читателю с просьбой «не судить строго.» Позднее, в течение всего средневековья, вплоть до Эпохи Возрождения, указание имени патрона было важнее указания имени переводчика, так как свидетельствовало о высоком покровительстве и обеспечивало относительную безопасность [15].

В некоторых случаях такое обращение было более менее формальным и кроме обычных эпистолярных формул вежливости не содержало сколь-либо развернутой информации о заказчике или дифирамбов в его адрес. Например, толедский переводчик XII века Авендаут (которого все чаще сейчас отождествляют с еврейским книжником ибн Даудом), в предисловии к латинскому переводу трактата Авиценны «О душе», который он выполнил в тандеме с Домиником Гундигальви, упоминает лишь имя и титул своего заказчика (*Iohanni Reverentissimo Toletanae sedis archiepiscopo et Yspaniarum promati*), а также (скорее всего также ритуально) подтверждает наличие самого заказа *iussum vesrum, Domine*.

Имя адресата (Михаил, епископ Таразонский) и намеки на выраженное таковым желание содержатся в предисловии Хьюго де Санталла к латинскому переводу «Столовия» Птолемея. Книга эта, как выражается переводчик, должна была послужить «навигационным инструментом» (может быть, и в прямом смысле), если заказчику придется пуститься в плавание. Переводчик литургии Василия Великого с греческого на латинский, Николай из Отранто (начало XIII века) также называет имя своего адресата архиепископа Гильермо/Вильяма) из Отранто, а также упоминает о просьбе архиепископа сделать этот перевод.

Иногда указание на адресата сопровождается комплиментом в его адрес. Например, Отфрид Вейсенбургский в сопроводительном письме к «Евангельской гармонии», адресованном епископу Людберту, лишь упоминает его высокое положение и прекрасный литературный вкус, а в конце послания обращается к нему с просьбой дать разрешение на свободное использование «Гармонии» всеми верующими.

Паскаль Римлянин начинает свой пролог к переводу «Кираниды» следующим образом: *Eruditissimo domino magistro Ka. Pa infimus clericus*, обозначая и заказчика и себя лишь инициалом. Переводчик продолжает, выражая восхищение «проницательнейшим знанием» (*sagacitatem tue prudentie*) адресата, который в результате созерцания и размышления поднялся выше «седьмого неба» (*ultra. vii. celos, contemplando penetravit*), но сохранил живой интерес к практическим, земным наблюдениям (в частности, над естественными и «магическими» свойствами растений, животных и камней, которым собственно и посвящены «Кираниды»).

Бургундио Пизанский, закончивший свой перевод гомилий Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в 1151 году, также обращается к своему заказчику в конце своего предисловия с пожеланием процветания и долголетия в этом мире и вечного блаженства в жизни вечной. В начале же предисловия мы узнаем имя его заказчика – папы Евгения III. В начале же предисловия он говорит о своем заказчике в третьем лице, характеризуя его как человека во всех отношениях очень тщательного (*vir per omnia diligentissimus*), о чем свидетельствует его настойчивость в стремлении обрести полный текст упомянутого сборника.

Мария Французская, писавшая в конце XII – начале XIII века, посвящает поэтический перевод «Басен» Эзопа, некоему графу Уильяму, которого в Прологе называет «цветом рыцарства, учености и куртуазности» (*Ki Flours est de Chevalerie, D'enseignement de curteisie*). В Эпиллоге он же характеризуется как «самый доблестный в этом королевстве» (*le plus vaillant de cest royaume*).

Старший современник Марии Французской, состави-

тель одного из первых англо-норманских историографий, включающей и переводы текстов с латинского и древнеанглийского, Джеффри Гаймар в эпиллоге к своему труду, упоминает заказчицу оною, леди Констанс, которая не только, по-видимому, материально спонсировала компилятора, но и активно принимала участие в подборе и приобретении необходимых ему источников. Делится он с читателем (и возможным будущим спонсором) и новым

Как отмечает М. Гомес [9], предисловия, содержащие обращения к высокопоставленным особам, отличались особым красноречием. Переводчик считал необходимым тонко (или не очень) польстить адресату, подчеркнуть свою некомпетентность по сравнению с ним (что, разумеется, было проявлением топоса скромности) и социальную дистанцию между скромным переводчиком и его прославленным адресатом. Неаполитанец Урсус, переводчик-редактор Жития Святого Василия в IX в., не только называет своего заказчика, но и приводит всю его родословную («сын и внук, брат и дядя герцога»), а также его должность (*loci servator neapoleos*).

Особенно цветистыми были комплименты переводчиков в адрес коронованных особ. Это не удивительно, так как именно они (короли, цари и императоры) имели неограниченные ресурсы и могли, из любви к знаниям или соображений престижа, уделить их малую толику смиренному переводчику. Потому польстить венценосному заказчику означало заручиться его дальнейшей финансовой поддержкой. При этом переводчик достаточно хорошо знал своего патрона и наделял его именно теми чертами, которые тот хотел в себе видеть. Таким образом поступает Иоанн Скот Эригена, обращаясь в своем предисловии к переводу сочинений Дионисия Ареопагита к заказчику и адресату перевода – Карлу Лысому уподобляя его тем святым, которые и в моменты тяжелых земных испытаний «очищались, просвещались и совершенствовались» (отсылка к доктрине Ареопагита), достигая небес в своем благочестии. Уже в обращении Эригена играет на контрасте, противопоставляя своего заказчика «величайшего католического короля» (*gloriosissimo catholicorum regum*) и себя – «последнего из учеников мудрости» (*extremus sophiae studentium*). В другом своем предисловии, к переводу *Ambigua* Максима Исповедника он называет себя «нижайшим рабом» (*extremus servorum*), что, разумеется, является риторической фигурой, так как несколькими строками ниже он не боится упрекнуть короля, за то, что тот торопил его в работе.

Интересно отметить тот факт, что младший современник Эригены, славянин Иоанн Экзарх Болгарский в предисловии к составленному им на основе нескольких греческих оригиналов «Шестодневу» (конец IX – первая треть X в.) обращается к адресату своего перевода (болгарскому царю Симеону) с очень близкой риторикой,

хотя славянский книжник значительно более лаконичен в своей похвале (мои княже славньи сумевне христолюбьче), тогда как Иоанн Скот Эригена посвящает панегирику в адрес Карла Лысого более семидесяти слов своего предисловия.

Отфрид Вейсенбургский (франкский книжник IX в.) в поэтическом прологе-зачине воздает хвалу королю Людовиду от имени «коллективного автора» (*wir*), всего франкского народа, «процветающего благодаря славным победам своего правителя» [Баева, 2016:23].

Подробно рассказывает о заслугах своего заказчика, короля Эдгара перед английским монашеством, а именно об устройении монастырей после долгих и бурных лет иноземных набегов и внутренней борьбы за власть в Англии IX-X вв. переводчик «Устава Святого Бенедикта» на древнеанглийский язык Этельвольд из Винчестера. В своего рода предисловии к этому переводу, сохранившемся в рукописи XII в. под названием «Основание монастырей королем Эдгаром» последний описывается как мудрый король, ведущий свою страну к единству и процветанию, проявляющий искреннюю заботу не только о мирской, но и о духовной жизни своих подданных.

Обращаясь к адресату своего перевода трактата «О природе человека» и потенциальному заказчику других переводов естественнонаучных сочинений Фридриху Барбароссе, Бургундию Пизанский в 1160-х гг., в первую очередь, играет на честолюбии своего патрона – желая ему побед над врагами и выражая уверенность, что перевод сочинений о природных явлениях принесет ему «вечную славу и бесконечную честь» (*immensam gloriam & aeternum nomen*).

Высокопоставленные церковные иерархи также становились объектом откровенной лесты. Так, переводчик «Тайны тайн» псевдо-Аристотеля Филипп из Триполи (XIII в.) «осыпает» своего заказчика и адресата предисловия цветистыми комплиментами. Наряду с достаточно традиционными характеристиками – ученостью, ясностью ума, Гвидо из Валенсии («понтифик Триполи») наделен всеми возможными добродетелями – переводчик перечисляет добродетели, воплощением которых был его адресат, наряду с библейскими персонажами (скромность Ноя, верность Авраама, уверенность Исаака, терпение Иова, целомудрие Даниила и т.д., и т.п.).

Интересно, что подобный список (добродетель и библейский персонаж, ее воплощающий) встречается в одной из молитв Кирилла Туровского, древнерусского автора XII века, под названием «На пяток к заутрене», но в другом контексте (древнерусский книжник отрицает наличие в себе каких-либо добродетелей). Некоторые персонажи и их добродетели упомянуты только у Кирилла Туровского (Финеас, Халев, Ифиль, Самуил

или у Филиппа (Ной, Авраам, Илия, Елисей, Давид, Соломон) некоторые персонажи встречаются у обоих, но добродетели различаются (Исаак, Иаков, Иисус Навин), а некоторые имеют одинаковые характеристики и у древнерусского книжника XII века, и у Филиппа из Триполи (Моисей, Иов). Возможно, оба книжника составили свои списки независимо друг от друга, но возможно, что они оба пользовались каким-либо сочинением морализаторского или энциклопедического характера, которое на данный момент неизвестно автору.

Похвалу своему заказчику, митрополиту Серрскому Феодосию, помещает в своем послесловии к переводу корпуса Ареопагитик монах Исайя, который закончил свой многолетний труд в 1371 году. Но поступает он гораздо тоньше, чем Филипп из Триполи. Исайя указывает на то, что взялся за работу по настоянию иерарха, затем упоминает имя автора Ареопагитик – Дионисия, а затем помещает панегирик «сему истинно божьему человеку», который «немногих быти вторый», при этом читатель может отнести эту похвалу и к ученику апостола Павла, которому приписывают «Ареопагитики», и к самому Феодосию.

Хьюго де Сантал во всех своих предисловиях, включая обширное предисловие к *Liber trium iudicum*, посвящает свой труд епископу Тарагонскому Михаилу, который, по-видимому, активно покровительствовал переводчику и, будучи большим поклонником астрологии и астрономии, распорядился осуществить этот проект – компиляцию-перевод предсказаний арабских и греческих астрологов по самым разным бытовым вопросам. Особый интерес вызывает тот факт, что две разных рукописи, в которых сохранилась эта компиляция, содержат разные посвящения – в одной из них переводчик (по-видимому, Хьюго) обращается к *mi domine antistes Michael*, а в другой к *mi karissime R*. В таинственном R. Чарльз Бурнетт [5] видит Роберта Кеттона (Честера), близкого друга другого переводчика с севера Испании, Германна Далматского, который, по-видимому, работал над составлением компиляции вместе с Хьюго Санталлом.

Как видно из последнего примера, если переводчик обращается к обычному читателю, тон его меняется, становится скорее дружественным и доверительным. Так, в одном из самых ранних предисловий нашей выборки, предисловии Руфина Аквилейского к переводу «Правил» Василия Великого, Руфин рассказывает о своей встрече с адресатом перевода, Урзацием. Перед нами картина доверительной и дружеской беседы на фоне прекрасного средиземноморского пейзажа. Из этого описания читатель узнает также некоторые черты характера Урзация – прежде всего, его искреннюю заинтересованность не в земных богатствах, о которых Руфина спрашивали другие по его возвращении из Иерусалима («с востока»), а в организации монастырской жизни в этих далеких землях.

Иногда переводчиков связывает личная дружба, что находит отражение во взаимных посвящениях-предисловиях переводчиков XII века, работавших на севере Испании Германа Далмата и Роберта Кеттонского (Честера), в которых переводчики искренне выражают самые теплые чувства, предаются воспоминаниям о совместно проведенном времени и ученых беседах. Именно в такой беседе, как указывает Германн Далмат, Роберт Честер убедил его в необходимости присовокупления к сочинению предисловия более развернутого, чем это собирался сделать сам переводчик. Роберт Честер, в свою очередь, посвящает Германну Далматскому свой перевод *Iudicia аль Кинди*, предлагая своему другу и коллеге «коня», на котором еще не сидели латинские астрологи – до тех пор не переведенное с арабского сочинение по астрологии. Из этой метафоры мы узнаем что-то и о увлечениях адресата – для него нет ничего лучше хорошего коня. Из этого же паратекста мы узнаем и то, что переводчики работали совместно над каким-то проектом (возможно, компендиум по всем естественным наукам [5]), но сам Роберт называет в качестве основной цели перевод Альмагеста.

Ученые беседы мог вести переводчик и со знатным заказчиком. Так, Иоанн Испанский и Лимский (Севильский) в предисловии к латинскому переводу «Тайны тайных», рассказывает о своей беседе с «королевой» Испаний леди Т. Скорее всего это была вдова Генриха Бургундского (1066-1112) по имени Тереза (1080-1130), единственная женщина с подобным инициалом, которая могла претендовать на столь высокий титул. В ходе упомянутой беседы ученый и знатная дама обсуждали вопросы «здорового образа жизни» (*de observatione diete vel de continentia corporis*), королева высказала желание иметь какую-либо книгу на эту тему, но лишь позднее Иоанн вспомнил, какая именно книга могла стать в этом отношении полезной.

Латинское предисловие к первому тому Католических гомилий содержит обращение к архиепископу Сигерику, а в конце того же предисловия Эльфрик обращается к нему с ритуальной просьбой исправить возможные ошибки, таким образом придав компиляции Эльфрика свой авторитет и с ритуальной же заключительной формулой. Те же элементы, переплетенные с топосом смирения, содержатся в начале и конце латинского предисловия ко второму сборнику «Католических гомилий». Из него мы также узнаем о благоприятной реакции Сигерики на присланный ему несколькими годами ранее первый сборник.

Тот же самый древнеанглийский книжник и педагог в латинском предисловии к «Грамматике» обращается якобы к своим ученикам («нежным юношам», *puerulis tenellis*), объясняя им, что этот учебник позволит им перейти от изучения трактата «О восьми частях речи» Доната (с которым они уже должны были познакомиться) к более сложному материалу. Однако, как отмечает итальянская исследовательница Дора Фарачи, обращаться на латинском языке

к ученикам, которые не могли обойтись без английского перевода, не имело смысла, и истинным адресатом этого предисловия были коллеги Эльфрика, ученые монахи, которых нужно было убедить в необходимости составления грамматики латинского языка на древнеанглийском [7].

Просьба исправить возможные ошибки присутствует и в более поздних паратекстах, написанных в Англии уже после норманнского завоевания. В 1180 году, составитель-переводчик среднеанглийского памятника «Ормулум» (который соединяет черты Евангельской Гармонии и гомилиария) в написанном по окончании многолетнего труда посвящении, которое входит в комплекс предваряющих гомилии текстов, называет имя своего вдохновителя, по просьбе которого, он взялся за этот труд, своего брата «по плоти», «во Христе» и «августинскому уставу», Вальтера, обращаясь к нему с просьбой проверить текст на предмет его догматической верности.

Перевод мог адресоваться не только ученикам переводчика, но и его учителю. Отфрид Вейсенбургский в поэтическом прологе-посвящении адресует свою «Евангельскую гармонию» наряду с франкским королем Людовиком Своему учителю (епископу Констанца Саломону). Отфрид восхваляет мудрость (*wizduam*) и ум (*wizzi*) своего наставника, к которым часто прибегал его ученик и просит своего рода благословения [1:24]

Германн Далмат (из Каринтии), работавший на севере Испании в первой половине XII века, посвящает свой перевод (1143 г.) «Планисферы» Птолемея своему учителю Тьерри из Шартра. Его посвящение наполнено образами и метафорами. Тьерри предстает перед нами капитаном корабля Философии, который остается на его борту во время бури, хотя все остальные его покинули. Обращение переводчика к своему наставнику полно классических аллюзий, в нем, как уверен Германн, нашла свое новое воплощение душа Платона. Появляются аллюзии на римскую мифологию: ученик преподносит свой труд учителю, как люди дарят зерно Церере или виноград Бахусу.

Несколькими годами позднее анонимный сицилийский переводчик XII в. рассматривает свой труд, перевод другого сочинения Клавдия Птолемея, известного под названием «Альмагест», как возможность отблагодарить своего учителя за переданные знания и, самое главное, за формирование привычки к учению, которая, насколько можно судить по предисловию, сохранилась у автора предисловия на всю жизнь.

В некоторых случаях книжник берется за свою работу в память о каком-то уважаемом или дорогом ему человеке. Так, из предисловия и послесловия к переводу «Томаса» Льва Великого, выполненному неким иноком Феодосием в Киевской Руси в середине XII века (1151 год, по вычислениям Д.Г. Полонского [3]) мы узнаем, что труд выполнен

в память о князе Святославе Давыдовиче (в монастыре Никола Святоша), который, по-видимому, жил в том же монастыре (Киево-Печерская Лавра), что и сам переводчик. В предисловии, которое обращено к самому Николе (кур Николае), Феодосий указывает на то, что его адресат предпочел духовный путь светской власти (Мариину благую и богохвальную чать избра - явная аллюзия на евангельский рассказ о Марфе и Марии).

Обращение к заказчику и адресату перевода зачастую заканчивалось просьбой молиться за переводчика и его окружение или присоединиться к его молитвам. С такой просьбой обращается Руфин к адресату своих переводов «Правил» Василия Великого и «Бесед» Оригена на Книгу Чисел Урзацию. В последнем случае предметом такой молитвы являются мир, столь необходимый в эти тяжелые времена нападения варваров на Римскую империю, а также полезность труда переводчика для просвещения читателя (*Sed orate communiter ut adsit Dominus, et temporibus pacem tribuat gratiam laborantibus donet, et fructum operis nostril in profectum legentium promat* – [13: 585-586]).

На основе изученного материала можно сделать вывод, что обращение к адресату-заказчику в переводческих паратекстах при всей своей этикетности было достаточно личностным – из него можно сделать вывод о степени близости переводчика и его заказчика, а также о личных качествах и некоторых обстоятельствах жизни обоих. Обращения варьируют и по объему – от одного-двух эпитетов до многословного панегирика, и по тональности – от торжественной похвалы до ностальгического описания предыдущей личной встречи. По понятной причине книжники были особенно красноречивы, обращаясь к тем, от

кого непосредственно зависела их судьба – к светским и церковным владыкам, иногда прибегая к откровенной лести. При этом они учитывали, какие именно комплименты будут приняты наиболее благосклонно – к честолюбивому королю-воину Фридриху Барбароссе Бургундио Пизанский обращался с обещанием «вечной славы и бесконечной чести», а к не менее честолюбивому церковному иерарху Филиппу из Триполи – с перечислением самых выжных для христианина добродетелей, присущих тому не менее чем библейским образцам таковых.

Обращаясь же к менее высокопоставленным особам, с которыми их связывали скорее дружеские, чем зависящие отношения, переводчики выходили за рамки этикета, включая некоторые подробности их взаимоотношений, иногда даже позволяя себе шутивное замечание.

Иногда переводчик посвящал свой труд своему учителю (как здравствовавшему, так и покойному). В этих случаях он выражал этикетную или искреннюю благодарность за мудрость, которой поделился с ним наставник. Среди номинальных адресатов могли быть и ученики (как у Эльфрика в предисловии к «Грамматике»), но сам факт написания текста предисловия на латинском языке говорит о том, что истинным адресатом были не юноши, еще не владеющие латынью, а другие книжники, которых необходимо было убедить в важности предпринятого труда.

Таким образом, топос обращения к заказчику в составе переводческого паратекста может пролить свет на характер взаимоотношений средневекового книжника и его современников, как того же статуса, так и вышестоящих и нижестоящих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Г.А. Авторизация речи в древних немецких памятниках // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. - № 3. – 2016. – С. 19-27.
2. Николаева Н.Г. Предисловие переводчика: жанр в жанре (на примере славянской традиции «Богословия» преп. Иоанна Дамаскина // Теолингвистика проучаванья словенских језика. – Београд, 2013. – С. 439-452
3. Полонский Д.Г. Перевод Томаса римского папы Льва I Великого и его историко-литературный конвой в восточнославянских четых сборниках XV-XVII вв. // Археографический ежегодник за 2012. – М., 2016. – С. 48-63
4. Тематика и стилистика предисловий и послесловий (коллективная монография, под ред. А.Н. Робинсон). – М., 1981. – 294 с.
5. Burnett, C.S.F. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid 12th Century // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1977 No 1. – Cambridge University Press, 1977. - P. 62-108
6. Dimitriu, Rodica Translators' Prefaces as documentary sources for translation studies // Perspectives: Studies in Translatology. – 17:3. Routledge, 2009. – P. 193-206
7. Faraci, Dora The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric Prefaces to the Grammar // Studia Mediaevalia Septentrionalia Vindærinne wunderbærer moere. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013/ P. 75-98
8. Genette, G. Paratexts: thresholds of Interpretation. Cambridge University Press, 1997. 427 p.
9. Gomez, M.C.B. The Preface as a Genre in English Translations in the 17th Century. – <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/738697.pdf> – (2003)
10. Hosseinzadeh, Mariam Translatorial Prefaces: A Narrative Analysis Model // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies (IJELR). Vol. 2, Issue 3, 2015, P. 311-319
11. Lusignan, Serge La topique de la translatio studii et les traductions françaises de textes savants au XIV-e siècle // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26-28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). – Paris, 1989. – P. 303-315

12. McRae, E. The role of translators' prefaces to contemporary literary translations into English (Master's thesis) (2010) URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/bitstream/handle/2292/5972/whole.pdf?sequence=5>
13. Migne J. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Volume 14, Paris, 1862
14. Rothschild, Jean-Pierre Motivations et methods des traductions en Hébreu du milieu du XII à la fin du XV siècle // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26-28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). – Paris, 1989. – P. 279-302.
15. Simon, Sherry Conflits de juridiction: la double signature du texte traduit // Meta. Journal des traducteurs. Vol. 34, № 2. – P. 195-208

© Соломоновская Анна Леонидовна (a.solomonovskaia@g.nsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

